

Солнце достигло зенита и начало припекать, но друид зачем-то разжёл огонь сильнее. Баки старался не спать, чтобы не пропустить ничего, но его то и дело уводило по неверным тропинкам бреда. После гадостного пойла становилось легче — и дышать, и тело не так болело, и почти не трясло. Но через время всё возвращалось, наваливаясь разом, и... Баки чувствовал, что стоит на краю. Балансирует на остром лезвии меча чуть вперёд, чуть назад, снова чуть вперёд. И от него сейчас мало что зависит. Перестань мальчишка поить его этой своей заговоренной дрянью — и он вряд ли доживёт до следующего дня.

Он был не самым плохим. Один из остальных раненых умер, не приходя в себя, ещё до полудня. Баки понял это, когда друид, тяжело и очень печально вздохнув, оттащил его подальше, за круг елей, где положил ему на веки пару плоских камушков и сложил погребально руки на груди. Да так и оставил.

Спустя какое-то время и неясное число плутаний в болезненной дремоте, Баки услышал тошнотворный хруст. Звук этот ни с чем нельзя было спутать — так задние, самые сильные зубы переламывают тонкую кость. Только повернув на звук голову, Баки понял, что старый, матёрый волк пришёл вкусить приготовленный для него ужин. За волком были лисы, хорьки, а к концу трапезы пришёл медведь. Когда солнце начало уходить из своей высокой точки на небе, от мертвеца не осталось ничего.

И ни один зверь, осторожно поведивший носом в сторону костра, не испугался дыма. И ни один из них не пытался подойти ближе к раненым, словно поляна была обнесена высоким частоколом. Словно её заговорили. Друид не обращал на хруст и чавканье никакого внимания.

Баки подумал мимолётно, что, возможно, и его так разнесут по лесу по кускам. И мысль эта была неприятна, но не вызвала протеста внутри. Возможно, он просто смирился с болью и тем, что уже умер. Он не видел смысла во всём происходящем. И искренне не понимал, зачем друид выволок с поля брани тех, кто ещё не испустил дух. Это было бессмысленно.

Но, судя по всему, мальчишка так не считал. Заставив костёр полыхать, он поджег от него небольшой факел, подошёл ближе и, присев рядом на колени, потянулся к его левой руке. К замотанному чем-то обрубку, который ныл и простреливал болью через всё тело. Баки дёрнулся было, оскалившись, но друид даже не посмотрел в его сторону — всё своё внимание он сосредоточил на остатке руки. И так бережно он разматывал тряпицу, что Баки замер, наблюдая за движением тонких пальцев. Потому что сам страшно хотел узнать, что же там, и отчего болит так сильно.

Откинув тряпицу, друид наклонился ближе и нахмурился.

Баки же отвернулся, потому что не смог удержать предательскую влагу в глазах. От раны воняло гнилью, и это означало только одно. Что совсем скоро ему на глаза положат точно такие же плоские чёрные камни — он не знал, откуда друид взял их в лесу. Баки был воином и видел такие раны, помнил, как они пахли. Когда раны загнивали, люди умирали в муках, и ничто уже не могло их спасти.

Но друид всё смотрел, и Баки, не вытерпев, дёрнулся, пытаясь двинуть остатком руки, отогнать назойливый взгляд. В ответ друид вытащил из складок хламиды оструганную палочку со шнурком — и вдруг впихнул её Баки в рот между зубами, ловко обвязав шнурок вокруг головы, что Баки не мог ни выплюнуть, ни освободиться — и выходило только униженно мычать и пускать слюну. Если бы он знал, что друид готовит ему.

Из ножен на поясе мальчишка вытащил нож — большой, но не боевой, а разделочный, для освеживания туши. Он весь был покрыт рунами и бликовал в свете костра. Баки, видимо, оступел от сопровождавшей его боли, потому что никак не мог оторвать взгляда от лезвия и не пытался связать воедино все происходящее. И когда друид наступил ему коленом на место, где плечо переходит в руку, закрывая обзор, и примерился своим ножом к воняющей плоти, Баки замер, захлебнувшись вдохом.

И заорал, потому что друид начал резать ему руку. То, что от неё осталось. Мысли выдуло из головы, ужасающая, неохватная боль заняла тело, Баки весь превратился в одну великую, пульсирующую открытую рану.

Он орал сквозь палку во рту так, что редкие птицы, притаившиеся в елях, вспорхнули со своих мест и расчертили небо крыльями. Баки орал, думая, неужели это и есть месть за то, что его люди сделали?

Баки орал, задыхаясь, чувствуя, что вот-вот остановится сердце. Пока не провалился в благословенную темноту. И даже там чувствовал отголоски страшной, всеобъемлющей боли. И надеялся, что наконец умер. Что впереди покой и вечность.

Когда он очнулся, солнце начало клониться к закату. Во рту было мерзко от вкуса неведомых трав, рот в уголках саднил. Боль, тупая, постоянная и какая-то очень правильная, ровно жгла левое плечо. Вспоминая, Баки со страхом посмотрел на него. От обрубка руки пахло травами, но совсем по-другому. Пряно, вкусно, почти по-домашнему. Его перемотали чистой тканью, и, найдя взглядом друида, он увидел, что у хламиды нет рукава. Его смешная, до глупого тощая рука торчала из чересчур широкой дыры. Баки понял также, что тот собирается делать сейчас. Он удобнее устроился рядом с гэлом, и тот, уже со знакомой палкой во рту, метался, как хряк, которого вели на убой. Друид не обращал на метания никакого внимания, примерился и начал отрезать потемневшую, воняющую тухлятиной часть покалеченной ноги. Страшно было смотреть на хладнокровие, с которым мальчишка рассекал ткани под вой гэла. Он визжал, и визг его долетал до верхушек елей, если не до неба. Неужели сам Баки голосил так? Мальчишка надрезал кожу, отделяя поражённое мясо, и вдруг заозирался. Баки почему-то отчётливо понял в этот момент, что с костью ему не сладить. Ни за что. Разделочным ножом такую кость можно пилить вечность.